

РЕФЛЕКТИРУЮЩЕЕ ОБОСОБЛЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИЧНОСТНОГО ОПЫТА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Зазимко О.В.

Зазимко О.В. Рефлектующее відокремлення як механізм розуміння та інтерпретації особистісного досвіду в юнацькому віці

Показана роль рефлектующего відособлення як механізму розуміння та інтерпретації життєвого досвіду в особистісному розвитку індивіда. За допомогою емпіричного дослідження встановлено, що більш об'єктивне і цілісне розуміння індивідуальності іншої особистості сприяє розширенню власного життєвого досвіду людини. Розглянуто деякі блокуючі умови розуміння особистісного досвіду в юнацькому віці.

Ключові слова: особистісний досвід, ідентифікація, рефлектующее відособлення, трансцендентне розуміння, особистісне зростання.

Зазимко О.В. Рефлектирующее обособление как механизм понимания и интерпретации личностного опыта в юношеском возрасте

Показана роль рефлектирующего обособления как механизма понимания и интерпретации жизненного опыта в личностном развитии индивида. С помощью эмпирического исследования установлено, что более объективное и целостное понимание индивидуальности другой личности способствует расширению собственного жизненного опыта человека. Вычленены некоторые блокирующие условия понимания личностного опыта в юношеском возрасте.

Ключевые слова: личностный опыт, идентификация, рефлектирующее обособление, трансцендентное понимание, личностный рост.

Zazimko O. Reflective individualization as an mechanism for understanding and interpretation of the personal experience in adolescence

The role of reflective individualization as a mechanism for understanding and interpretation of the personal experience in personal development of an individual has been shown. Through the aid of the empirical research, it has been found that more objective and complete understanding of personality of another person promotes the expansion of individual life experience. Some blocking circumstances of understanding of the personal experience in adolescence has been considered.

Keywords: personal experience, identification, reflective individualization, transcendental understanding, personal development.

Постановка проблеми дослідження. В отечественной психологии вслед за культурно-исторической теорией Л. С. Выготского утвердилось положение о том, что индивид «через других» становится личностью, т.е. в процессе становления личности лежит механизм ин-

териоризации внешнего социального опыта. Данный процесс становится возможным посредством общественных отношений, в которые индивид вступает: «всякая высшая психическая функция необходимо проходит через внешнюю стадию развития, потому что функция является первоначально социальной. Это – центр всей проблемы внутреннего и внешнего поведения». [2, с. 144].

Одним из механизмов присвоения отдельным индивидом человеческой сущности является идентификация как частично осознаваемый психический процесс уподобления себя другому человеку или группе людей. Процесс идентификации большей мерой имеет адаптивную функцию относительно социализации человека. В виде попыток стать похожим на другого человека или группу людей, перенять их значимые черты, механизм идентификации присутствует в становлении личности с раннего детства и постепенно развивается от примитивного желания «быть таким как ...», до более сложных субъективно контролируемых форм. Идентификация способствует установлению глубокой эмоциональной связи с другим человеком или группой людей, ощущению причастности, объединённости с ними. В итоге, могут быть переняты не только черты и особенности характера отдельной личности, но и нормы, ценности, образцы поведения определенной группы, а также мировой культуры в целом (этническая самоидентификация).

Сознательная и неосознанная идентификация дает возможность «вставать на чужое место» – погружаться, переноситься в поле, пространство, обстоятельства другого человека, что способствует более глубокому его пониманию. Таким образом, механизм идентификации позволяет не только «присваивать» опыт других, но и «вчувствоваться» в другого, стать на его место и понять его так, «как бы понимал самого себя».

В тоже время, идентификация, как и рефлексия является способом, который позволяет человеку посмотреть и на себя «со стороны» и понять самого себя. Отождествляясь с другим, условно подстраиваясь под другого, человек задается вопросом: «как бы я ощущал и воспринимал себя на месте другого». К такому способу идентификации человека располагает эмпатия.

Парадокс такого способа понимания себя состоит в том, что невозможно посмотреть на себя с позиции опыта другого. Человеку доступны лишь те знания, которые есть в его опыте, только посредством лишь своего опыта он понимает себя.

Эта вторая сторона идентификационного процесса обеспечивается переносом своих чувств и мотивов на другого. Древняя форма иденти-

фикации – антропоморфизм, состоящая в проекции своих свойств на другого (в т.ч. предметы, явления и т.п.), позволяет своеобразно познавать мир, но на современном уровне развития человеческого познания уже не представляет собой действенную силу освоения мира в целом. Поэтому, ищутся пути менее наивной формы понимания и интерпретации опыта другого, в т.ч. и как культурно-исторического опыта человечества, так и своего, когда свое «Я» человек делает объектом понимания.

Крайние проявления такого вида идентификации в понимании другого человека – представление о ком-то, как о продолжении себя – в глубинной психологии рассматриваются как защитный механизм личности. Яркой иллюстрацией этого механизма является часто встречающееся искаженное восприятие и понимание родителями своих детей. С одной стороны идентифицируясь с ними, родитель как бы приписывает себе молодость и достижения ребёнка, а с другой стороны к этому обычно добавляется проекция на ребёнка собственных желаний, целей и потребностей. Подобное отношение к другим также особенно характерно при выраженном нарциссизме.

Понимание по Х-Г. Гадамеру означает в первую очередь поставить себя на место другого и рассмотреть оттуда себя самого [3]. Но, поскольку «на месте другого» в первую очередь человек «видит» себя, то круг такого понимания замкнут. «Отсюда понимание есть самопонимание, так как в проявлении чужой индивидуальности не может выступать ничего такого, чего не было бы в познающем субъекте, и интерпретатор может усмотреть в понимаемом материале лишь то, что уже есть в нем самом». [4, с. 10]. Вразумительный ответ на вопрос как порвать этот порочный круг в рамках герменевтики еще не получен [Цит. за 4 с. 10]. Вопрос о возможности не имманентного (остающегося внутри границ возможного опыта), а трансцендентного (переступившего за границы опыта) понимания опыта другого и, как результат, собственного жизненного опыта остается актуальным не одно тысячелетие.

Современное понимание личности в рамках постнеклассического подхода предполагает такую ее характеристику как: относительная свобода от внешних воздействий при *сохранении уважения к чужим жизненным историям* [6, с. 21, выделено О.З.]. Такое уважение жизненных историй другого невозможно без понимания именно его опыта, что предполагает выход понимающего субъекта за границы своего опыта. На наш взгляд, речь идет о некоем обособлении другого. Но обособление в этом смысле рассматривается не как механизм отставивания отдельным индивидом своей природной и человеческой сущности, не как только переживание субъектом той или иной степени своей отстра-

ненности от объекта обособления, а как признание индивидуальности другой личности. Лишь условно-частичный выход за пределы замкнутого круга понимания (т.е. выход на спиралевидное, в отличие от кругового, понимания) возможен с помощью процесса обособления другого от себя, которое позволяет воспринять этого другого как нечто целое и завершенное в пространстве. Собственное же сознание индивида никогда не достигает формы завершенности, но именно это и позволяет ему занять позицию вневходимости (по М. М. Бахтину) с которой собственно и возможно более полное понимание как опыта другого, так и собственного.

Обособление другого от себя, которое возможно с позиции вневходимости позволяет увидеть человека в целом. В жизненных ситуациях человека интересуют большей мерой поступки другого, с которыми приходится сталкиваться, в которых он так или иначе заинтересован. Другими словами, человек со своей ценностной позиции реагирует на каждое проявление окружающих его людей. Такие реакции имеют разрозненный характер, что не позволяет воспринимать человека в целом, истинно и соответственно «сохранять уважение к чужой жизненной истории», не облепленной случайными жизненными интересами интерпретатора. К тому же, как утверждает М. М. Бахтин, «меньше всего в себе самом мы умеем и можем воспринять данное целое своей собственной жизни» [1, с. 10]. Можно предположить, что поняв другого как целостность, человек имеет возможность более целостно проинтерпретировать и понять свой собственный опыт.

Вневходимость автора, по М. М. Бахтину, должна соответствовать всем моментам героя, на которого направлено понимание: пространственным, временным, ценностным и смысловым. Такая вневходимость позволяет «собрать *всего* героя, который изнутри себя самого рассеян и разбросан в заданном мире познания и открытом событии этического поступка, собрать его и его жизнь и восполнить до целого теми моментами, которые ему самому в нем самом недоступны» [1, с. 19].

Процесс понимания, ссылаясь на объяснение эстетической деятельности повествователя-рассказчика М. М. Бахтиным, имеет два основных момента: вживание в героя рассказа и возврат в себя, на свое место вне героя, только с этого места материал вживания может быть осмыслен этически, познавательно или эстетически. Моменты вживания и завершения не следуют друг за другом хронологически, они тесно переплетаются между собой и сливаются друг с другом [1].

Суть понимания состоит не в том, что индивид выходит «за себя», а в том, что развивается деятельность, создающая сложные структуры,

которые П. Г. Щедровицкий называет кооперативными, основанными на принципе рефлексивного поглощения или рефлексивного выхода, что есть одной из функций рефлексии [7, с. 491].

Таким образом, основным механизмом с помощью которого происходит обогащение и расширение жизненного опыта человека является рефлексия. Именно рефлексия рассматривается как механизм оценивания человеком своего жизненного мира, его ценностно-смыслового содержания и изменений, которые в нем происходят.

Нас заинтересовал вопрос: насколько чужие жизненные истории современными юношами и девушками воспринимаются обособлено от собственных историй личности. Какие условия мешают стать рассказчику в позицию внеаходимости (по М. М. Бахтину) или рефлексивную позицию (по П. Г. Щедровицкому), а соответственно являются блокирующими факторами понимания и интерпретации собственного опыта. Поэтому, *целью данного исследования* является установление уровня понимания жизненного опыта в юношеском возрасте на основании понимания и интерпретации опыта другого.

Достижение поставленной цели возможно в рамках герменевтического подхода, а именно при изучении текстов. Текстом в герменевтическом понимании является любой семиотический объект, который имеет знаковую природу и подлежит пониманию, интерпретации, декодированию. Текст выступает средством интерпретации окружающей действительности, другого человека, а также ведущим средством самопонимания. [4, с. 18]. В данном исследовании мы ограничимся вербальными текстами.

Исследование проводилось на выборке студентов второго и третьего курсов одного из столичных университетов. Перед студентами было поставлено два задания, которые выполнялись в разное время. Первое задание предполагало написание автобиографического нарратива. Второе задание проводилось в два этапа. Первый этап состоял из организованного знакомства двух ранее не знакомых студентов, при котором происходила недлительная беседа на личные биографические темы, а второй – из подготовки и проведения презентации партнера по общению.

Вербальные тексты обоих заданий были подвергнуты контент-анализу, результаты которого проведены через процедуру корреляционного анализа. По итогам проведенной работы можно сделать следующие выводы.

Наибольшее количество корреляционных связей имеют единицы анализа, связанные с воображаемыми событиями будущего, в рассказе о себе (первое задание), с определенными единицами анализа презентации другого (второе задание).

Упомянутые в рассказе события о себе, принадлежащие к различным сферам жизнедеятельности человека (с помощью контент-анализа на исследуемой выборке было выделено восемь сфер: личностная, семейная, дружбы, обучения и профессиональной самореализации, социальная, материальная, личностной самореализации или реализации собственного хобби, увлечения, а также сфера любви), *настоящего* времени коррелируют с выделенными характеристиками «Я» другого человека. Другими словами: сферы жизни, отображаемые в нарративе в настоящем времени, проектируются на восприятие различных образов-Я другого. Личностная сфера настоящего негативно коррелирует с представленным Я-социальным другого (-0,549*), т.е. лица, ставящие акцент на раскрытие себя в личностной сфере, которая отчасти включает раскрытие эгоистических черт, фактически не отводят должного внимания социальным чертам личности другого при его представлении группе. Сфера дружбы в настоящем позитивно коррелирует с Я-социальным и Я-когнитивным (0,511* и 0,669**), сфера любви имеет корреляции с Я-эмоциональным (0,585*). Значимых корреляций выделенных сфер собственной жизни в настоящее время с выделенными сферами в презентации другого не установлено.

Установлены связи между четырьмя сферами *прошедшей* жизни из рассказа о себе: обучения, социальной, материальной и любви и двумя сферами, выделенными в рассказе о другом: материальной и самореализации. Причем сфера самореализации другого имеет отрицательный знак корреляции со сферой обучения в рассказе о себе (-0,624**). Можно предположить, что ориентированная на школьное обучение личность меньше замечает достижения других людей не в сфере обучения. Сфера самореализации другого имеет прямую связь с материальной сферой в рассказе о себе (0,566*), которая, в анализируемом прошлом времени рассказа о себе, выражалась фразами типа: «это был уютный дом и дворик», «имел собственную комнату» и т.д. Материальная сфера в презентации другого скоррелировала с социальной сферой (0,537*) и сферой любви (0,683**) событий прошлого в рассказе о себе. К тому же, испытуемые, которые выделяли социальную сферу и сферу любви в прошлом своей жизни, более склонны при представлении другого давать амбивалентные (двойственные) оценки событиям их жизни (0,537* и 0,683** соответственно).

Социальная и материальная сферы *будущего* времени в рассказе о себе имеют положительную корреляцию с социальной (0,664**) и материальной (0,663**) сферами в рассказе о другом. Придавая большое значение будущей семье в рассказе о себе, исследуемые склонны к

представлению сферы любви другого (0,700**). Отводя в собственном будущем должное место социальной сфере, юноши и девушки, представляя другого, чаще указывают на те моменты его жизни, которые описывают товарищеские свойства их партнера по общению (0,576*).

Раскрытое количество сфер собственного будущего обуславливает положительную оценку событий из жизни другого (0,526*); большая часть положительных оценок событий жизни другого исходит от тех лиц, которые не исключают сферу дружбы и в будущем времени собственной жизни (0,846**). Неоцененными события из жизни другого оставляют лица, отводящие в своем будущем приоритет либо сфере дружбы (0,603*), либо материальной сфере (0,586*).

Параллельные корреляции имеет количество охарактеризованных сфер будущего в рассказе о собственной жизни. Количество выделенных сфер вообще и количество сфер будущего положительно коррелируют с количеством выделенных не только сфер в жизни другого, а и количеством охарактеризованных в презентации событий жизни другого (0,573*, 0,582* соответственно), превосхождением будущих событий в жизни другого (0,586* и 0,613*), с более высоким уровнем взаимодействия смысловых структур презентации (0,577* и 0,545*). Чем больше сфер в собственной жизни выделяет человек, тем чаще он пользуется при представлении другого не только пространственной, но и временной категорией относительно описания жизни другого (0,591*). Последнее можно проинтерпретировать как то, что более широкий жизненный опыт исследуемых позволяет устанавливать причинно-следственные связи событий жизни другого.

Лица юношеского возраста, описывающие в своем будущем события, реализация которых, судя по их фразам, зависит не от них, большей частью предпочитают характеризовать личностную сферу другого (0,649**) и двойственно оценивать события их жизни (0,641**).

Юноши и девушки, прописывающие в автобиографическом нарративе линию семьи, не акцентируют внимания на Я-телесном другого (-0,542*); прописывающие линию дружбы, – акценты ставят на Я-социальном (0,676**) и сфере любви другого; линию карьеры – также на Я-социальном (0,508*).

В общем, количество выделенных сфер жизни в рассказе о себе связано с представленным количеством сфер жизни другого (0,629**). Количество выделенных сфер позитивно коррелирует с большим числом единиц анализа презентации другого. Выделение большего количественного разнообразия характеристик другого, на наш взгляд, говорит о большей когнитивной сложности опыта личности, о более рас-

ширенном ее жизненном опыте. Такие исследуемые представляют другого более объективно, цельно, о чем свидетельствуют отзывы их партнеров по общению. Другими словами, юноши и девушки, имеющие более широкий собственный жизненный опыт, способны к более глубокому пониманию и интерпретации жизненного пути другой личности.

Полученные в данном исследовании невысокие корреляционные показатели указывают на возможность исчезновения некоторых установленных связей. Но их количество, несомненно, указывает на то, что понимание и интерпретация собственного опыта выражаются с помощью косвенной, опосредованной, а в некоторых случаях (особенно это касается планируемых событий будущего), и прямой проекции. Обособленность другого от себя, которое, как было показано выше, возможно с позиции венаходимости или рефлексивного выхода, способствует расширенности опыта человека и более высокая его когнитивная сложность.

На поставленный вопрос о блокирующих факторах понимания и интерпретации собственного опыта, посредством проведенного эмпирического исследования, мы получили лишь частичные ответы. К примеру, в настоящем времени доминирование личностной сферы мешает заметить дружеские и альтруистические черты другого. Друг в основном подбирается с учетом в первую очередь его социальных и когнитивных характеристик, а способность любить юноши и девушки приписывают человеку с ярко выраженным эмоциональным отношением.

Достижения в учебной сфере блокируют понимание возможности самореализоваться в сферах, не связанных со школьным или вузовским обучением. Но, необходимая материальная обеспеченность в детстве позволяет замечать и другие достижения сверстников.

Насыщенность социальной сферы и сферы любви в прошлом позволяет неоднозначно, «по-философски» оценивать события жизни другого.

Наибольшее количество прямых связей установлено между сферами своего рассказа и рассказа о другом относительно планируемого будущего. Можно допустить, что будущее в юношеском возрасте видится приблизительно одинаковым всеми исследуемыми. Но, по всей видимости, учитывая расставленные рассказчиками разные акценты на жизненные сферы, это говорит об отсутствии прогностического предвосхищения на основе темпоральных связей, т.е. не учитывается влияние личностного опыта другого на его дальнейший жизненный путь. Интерпретация жизненных планов другого происходит только с позиции собственного опыта без поиска трансцендентной позиции. Такое понимание опыта другого в юношеском возрасте есть блокирующим фактором относительно расширения собственного опыта и построения дальнейших перспектив собственной жизни.

Лица, имеющие более обогащенный жизненный опыт, что определялось количеством раскрытых сфер собственной жизни, склонны занимать оценочную позицию относительно опыта другого. Причем, оценивая события из жизни другого, сверстники дают либо положительные, либо амбивалентные оценки. Негативные оценки встречались только у лиц, которые в своем опыте раскрывали всего лишь одну-три сферы собственной жизни.

Таким образом, как показало проведенное исследование, уровень понимания собственного жизненного опыта в юношеском возрасте на основании понимания и интерпретации опыта другого еще не высок. Одним из весомых доказательств этому является неразвитость функции предвосхищения поступков другого.

Следуя сделанным заключениям, можно утверждать, что концепция личностного развития основывается не только на необходимости обособления от другого, но и на обособлении другого от себя, не только лишь в той форме, что в крайнем своем проявлении может привести к отчуждению, а и в той форме, что возможна с позиции внаходимости, рефлексивного выхода, которое можно было бы назвать рефлектирующим обособлением. Этот вид обособления обеспечивается одной из «неспецифических характеристик рефлексии», что состоит в «отношении поглощения через знания» [7, с. 275].

Данный рефлектирующий процесс объединяет (поглощает) и опыт другого (субъект понимания «становится на точку зрения другого») и собственный опыт понимающего индивида (субъект не отказывается от своих собственных взглядов). Такой способ понимания возможен лишь тогда, когда индивид обладает специфическими средствами понимания и определенными комплексными представлениями, вырабатываемые с целью объединения разных «точек зрения» и разных деятельностных позиций [7, с. 493]. До тех пор, пока такие средства не выработаны, индивид всегда стоит перед дилеммой: «закрыться» от получаемой информации от другого (индивида, общества, себя как объекта понимания), либо отказаться от своей собственной позиции и связанных с ней представлений.

Значительный шаг в направлении обособления от другого человек делает приблизительно в три года своей жизни. Но, как было доказано описанным выше исследованием, в юношеском возрасте еще не наблюдается высокого уровня обособления другого от себя, а именно рефлектирующего обособления. Речь идет не об уровне обособления вообще, а о негативных последствиях отсутствия данного механизма, когда происходит сдвиг внимания от другого к себе и последующее превращение

другого в продолжение себя. Это напоминает самопоглощенность, свойственную самовлюбленности, поскольку надлежащий уровень нравственности невозможен без «признания независимости» другого.

Опыт избытка видения, знания и оценки (М. М. Бахтин) большей частью обеспечивается и обогащается способностью интерпретировать реальность с помощью нарративных структур, которые Н. В. Чепелева называет неотъемлемой сущностью личности: «... использование специфических нарративных способов осмысления мира выступает как основное средство осмысления собственной жизни или определенной жизненной ситуации и, более того, как особая форма существования человека, как свойственный лишь ему способ бытия» [5, с. 136].

Предпосылки и механизмы рефлексирования опыта, которые запускают процесс описанного вида обособления следует еще изучить.

Выводы. 1. Обособление возможно как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровнях, но на уровне личностного опыта, который всегда внутренний и присвоенный человеком на основе переработки и осмысления.

2. Рефлектирующее обособление в онтогенезе человека есть более поздним механизмом понимания и интерпретации опыта. С помощью этого механизма становится возможным выход на спиралевидное понимание жизненного опыта.

3. Обогащение и расширение жизненного опыта посредством понимания опыта другого человека способствует более полному действию механизма понимания. Поняв другого как целостность, человек имеет возможность более целостно проинтерпретировать и понять свой собственный опыт.

4. Позиция внаходимости (рефлексивный выход) обеспечивает возможность рефлектирующей деятельности, создающей сложные структуры, способствующие обогащению и расширению жизненного опыта человека.

5. Блокирующими условиями понимания и интерпретации личностного опыта являются следующие:

- акцентирование внимания на пространственные категории опыта и упущение временных;

- доминирование личностной сферы в понимании собственного опыта в юношеском возрасте блокирует восприятие и принятие дружеских проявлений другого;

- акцентирование внимания на достижениях в учебной сфере блокируют понимание возможности самореализоваться в сферах, не связанных со школьным или вузовским обучением.

- отсутствие прогностического предвосхищения событий будущего и предвосхищения поступков других, блокирует расширения личностного опыта и построения дальнейших перспектив собственной жизни.

Отмечено, что лица, которые более широко интерпретируют личностный опыт, склонны к положительному оцениванию опыта других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Михаил Михайлович Бахтин. – [2-е изд.] – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений : В 6 т. / Лев Семенович Выготский. – М. : Педагогика, 1983. – Т.3: Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. – 1983. – 368 с.
3. Гадамер Х-Г. Истина и метод. / Гадамер Ханс Георг. – М. : Прогресс, 1988. – 700 с.
4. Чепелева Н.В. Исходные теоретические положения и понятия психологической герменевтики / Наталия Васильевна Чепелева // Проблемы психологической герменевтики / под ред. Н. В. Чепелевой. – К. : Издательство Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова, 2009. – С. 9-24.
5. Чепелева Н.В. Нарратив как средство понимания и интерпретации личного опыта / Наталия Васильевна// Проблемы психологической герменевтики / под ред. Н. В. Чепелевой. – К. : Издательство Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова, 2009. – С. 135-145.
6. Чепелева Н.В. Методологические основы исследования личности в контексте постнеклассической психологии / Н. В. Чепелева // Актуальні проблеми психології: Психологічна герменевтика / за ред. Н. В. Чепелевой. – К. : ДП «Інформаційно-аналітичне агенство», 2010. – Т. 2, вип. 6. – С. 15-24.
7. Щедровицкий Г.П. Избранные труды / Георгий Петрович Щедровицкий – М.: Шк.Культ.Полит., 1995. – 800 с.